

Лебедев А.П. Нравственный облик, церковно—общественная деятельность, нестроения и злополучия Константинопольской патриархии: (Во второй половине XV-го и XVI веке) // Богословский вестник 1895. Т. 1. № 1. С. 31—54 (2—я пагин.). (Начало.)

Нравственный обликъ, церковно - общественная дѣятельность, нестроенія и злополучія константинопольской патріархіи. (Во второй половинѣ XV-го и XVI вѣкѣ).

Для того, чтобы самимъ намъ легче было разобраться въ многочисленныхъ матеріалахъ, служащихъ основаніемъ подлежащаго церковно-историческаго трактата, и съ другой стороны ради удобства читателя, мы раздѣлимъ этотъ трактатъ на нѣсколько отдѣловъ, въ хронологическомъ порядкѣ. Не считаетъ нужнымъ скрывать, что для такого дѣленія на отдѣлы у насъ нѣтъ внушительныхъ и непре-рекаемыхъ основаній; но тѣмъ не менѣе поставляя грани, разграничивающія одинъ отдѣлъ отъ другаго, мы далеки отъ того, чтобы дѣйствовать произвольно. Напримѣръ, первый отдѣлъ указаннаго трактата будетъ обнимать явленія въ исторической жизни константинопольской патріархіи, начиная отъ середины XV вѣка почти до самаго конца XVI вѣка, до заключенія правленія церкви извѣстнымъ патріархомъ Іеремію II-мъ. Правленіе Іереміи II мы принимаемъ за конецъ перваго отдѣла даннаго историческаго трактата, не только потому, что съ этимъ патріаршествомъ прерывается одинъ изъ очень важныхъ источниковъ для исторіи греческой церкви турецкаго періода — разумѣемъ *Historia Patriarctica* Дамаскина Студита, которую нѣсколько восполняетъ извѣстный уже намъ Іероофей монемвасійскій, — но и потому, что въ патріаршество Іереміи происходитъ важное событіе въ исторіи патріархіи: эта послѣдняя лишается монастыря „Всеблаженной“, гдѣ со времени Магомета II константинопольскіе іерархи имѣли свою резиденцію, и она, патріархія, вынуждена была искать для себя новаго

убѣжища, каковымъ послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ попытокъ водворить патриархію тамъ или здѣсь, и сдѣлался наконецъ знаменитый или если угодно—пресловутый Фанарь. Впрочемъ водвореніе патриархіи въ Фанарѣ было уже по смерти Іереміи; это водвореніе мы разсматриваемъ какъ естественное начало, которымъ открывается дальнѣйшій или второй отдѣлъ взятый нами на себя работы изучать патриархію съ той ея стороны, которая нами выше намѣчена такъ: „правственный обликъ, церковно-общественная дѣятельность... константинопольской патриархіи“.

Итакъ мы сказали, что прежде всего въ видѣ отдѣльнаго цѣлаго мы постараемся изучить состояніе патриархіи въ упомянутомъ отношеніи—отъ половины XV до конца XVI вѣка ¹⁾). Первымъ вопросомъ въ этомъ случаѣ, какъ намъ кажется, должно быть: какіе патриархи этихъ временъ оставили по себѣ память въ исторіи, какъ о лучшихъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ, по своей нравственной жизни іерархахъ, и какіе изъ тѣхъ же патриарховъ оказывались ниже того назначенія, какое имъ было предъказано? Нѣтъ сомнѣнія, Геннадій Схоларій въ нравственномъ отношеніи долженъ быть поставленъ такъ же высоко, какъ высоко онъ стоялъ и въ умственномъ отношеніи; но говорить о Геннадіи, послѣ того, какъ нами посвящена была этой личности нѣсколько раньше отдѣльная глава, мы считаемъ дѣломъ лишнимъ. А потому обратимся къ его преемникамъ на константинопольской кафедрѣ.

Для большой хронологической ясности настоящаго очерка помѣщаетъ списокъ константинопольскихъ патриарховъ: Геннадій Схоларій (1454—1456 г.), Исидоръ (1456—1463), Софроній I (? 1463—1464), Іоасафъ I (1464—1466), Маркъ II (1466—1467), Діонисій I (1467—1472), Симеонъ I (1472—1475), Рафаилъ I (1475—1476), Максимъ III (1476—1482), Симеонъ I (1482—1486, вторично), Нифонтъ II (1486—1489), Діонисій I (1489—1491, вторично), Максимъ IV (1491—1497), Нифонтъ II (1497—1498, вторично), Іоакимъ I (1498—1502), Пахомій I (1503—1504), Іоакимъ I (1504—1505 вторично), *Пахомій I* (1505—1514, вторично), *Теолимпъ I* (1514—1520), *Іеремія I* (1520—1522), Іоанникій I (1522—1523 или 4), Іеремія I (1524—1537, вторично), Діонисій II (1537), Іеремія I (1537—1545, третично), Діонисій II (1545—1555, вторично), Іоасафъ II (1555—1565), Митрофанъ III (1565—1572), Іеремія II (1572—1579), Митрофанъ III (1579—1580, вторично), *Пахомій II* (1584—1885), *Теолимпъ II* (1585—1586), *Іеремія II* (1586—1595 г., третично). Списокъ вышепоименованныхъ патриарховъ до Іереміи II включительно—составленъ нами на основаніи извѣстной книги *Ліажез* Мануила Гедеона.

Непосредственнымъ преемникомъ Геннадія былъ Исидоръ, іеромонахъ. До возведенія въ патріархи онъ былъ общимъ духовникомъ константинопольскаго народа. Его правленіе церковію было мирно и неблаженно. О нравственномъ характерѣ этого патріарха лѣтописецъ знаетъ лишь одно хорошее. Духовная паства уважала его — и было за что: онъ являлся образомъ архіерея. Къ сожалѣнію, никакихъ подробностей, характеризующихъ образъ Исидора—историки не сохранили до нашего времени. Лѣтописецъ прилагаетъ къ нему извѣстныя слова изъ посланія къ Евреямъ: „преподобенъ, незлобивъ, безпороченъ“, но не говоря о неумѣстности этихъ словъ, тотъ же лѣтописецъ это же самое изреченіе прилагаетъ потомъ и еще къ одному патріарху (Гереміи II-му), слѣдовательно, если это изреченіе и прилагается къ Исидору, то въ немъ не заключается какой нибудь особенной исключительной похвалы по отношенію къ разсматриваемому патріарху ¹⁾.— Пользуемся случаемъ, чтобы сдѣлать замѣчаніе о томъ, изъ кого избирались патріархи теперь и стали избираться впослѣдствіи. Исидоръ, какъ видимъ, избранъ патріархомъ изъ іеромонаховъ, а Геннадій даже изъ простыхъ монаховъ. Но такіе случаи довольно скоро перестали имѣть мѣсто. Еще четыре или пять патріарховъ въ XV вѣкѣ возведены въ патріархи не изъ епископовъ, а затѣмъ патріарховъ стали избирать исключительно изъ архіереевъ. Съ конца XV вѣка такая практика сдѣлалась господствующею. Эта практика составляетъ нѣчто новое по сравненію съ христіанскими временами византійской исторіи: при христіанскихъ императорахъ въ патріархи возводились лица не епископскаго достоинства, иногда даже міряне ²⁾. Новая практика, если не ошибаемся, имѣла цѣлію нѣкоторымъ образомъ уравнивать патріарха константинопольскаго съ паною, который уже давно избирался изъ лицъ архіерейскаго сана.

Высокими нравственными достоинствами отличался также и патріархъ Діонисій I, извѣстный съ именемъ филиппольскаго, такъ какъ онъ вошелъ на патріаршую кафедру изъ митрополитовъ филиппольскихъ. Родиной его былъ Пелопониссъ, по архіерейству онъ былъ ставленникомъ Геннадія

¹⁾ *Historia Patriarchica*, p. 95. Cf. p. 191. Edit. Bonn.

²⁾ Γεδεών. *Πατ. ιαρχικοί Πίνακες*, σελ. 21. 24.

Схоларія. Лѣтописецъ, говоря о Діонисіи, дѣлаетъ слѣдующую характеристику: онъ былъ человѣкомъ совершеннымъ въ добродѣтели и отличался монашескими достоинствами; много постился, дѣлыя ночи проводилъ въ бдѣніяхъ и молитвѣ; если ему нужно было куда нибудь отправиться по дѣламъ церковнымъ, онъ никогда не позволялъ себѣ сѣсть на лошадь, онъ всегда ходилъ пѣшкомъ, не смотря на глубокую старость. Въ его патріаршество въ Константинополѣ случилось сильное и многократное землетрясеніе, благочестивый же патріархъ, чтобы утомить гнѣвъ Царя Небснаго, въ эти несчастные дни проводилъ время въ томъ, что ходилъ изъ одной церкви въ другую, совершая вездѣ молебныя пѣнія. Большая часть его правленія церковію протекла въ великомъ мирѣ и церковь жила въ полномъ единомысліи ¹⁾. Впрочемъ начало его патріаршествованія ознаменовалось нѣкоторыми волненіями въ церкви, но объ этихъ волненіяхъ рѣчь впереди.

Съ большими похвалами древніе, а за ними и новые историки отзываются о патріархѣ Симеонѣ, родомъ изъ Трапезунда. Онъ былъ склоненъ дѣлать все на пользу ближнихъ; его нищелюбіе было такъ необыкновенно, что, по словамъ лѣтописца, въ этомъ отношеніи едва ли кто изъ современниковъ могъ равняться съ нимъ. За свою добродѣтель Симеонъ сдѣлался общимъ любимцемъ. Его правленіе церковію протекло въ мирѣ, безо всякой смуты и соблазна ²⁾. Къ сожалѣнію, мы лишены какихъ либо подробностей относительно нравственной жизни этого патріарха. Послѣ смерти патріарха Симеона осталось значительное богатство; и такъ какъ онъ умеръ не составивъ завѣщанія, то изъ-за этого богатства возникли тяжкія послѣдствія и для самой церкви ³⁾. Но кажется нѣтъ основаній существованіе богатства у Симеона ставить ему въ грѣхъ и вину. Нужно полагать, что самъ Симеонъ происходилъ изъ богатой фа-

¹⁾ Historia Patriarch.. p. 108. 133. *Κιγάλας. Νέα σύνοψις, σελ. 449. Δωροθέος: Βιβλίον ιστορικόν, σελ. 431.* Кигала въ данномъ случаѣ не походитъ на Дороея—новое доказательство независимости перваго отъ втораго (противъ Саты).

²⁾ Hist. Patriarchica, p. 102. 112. *Μελετιών. ιστορία* III, 331. *Γεδεών, σελ. 483.*

³⁾ Hist. Patr. p. 129—130.

мили и имущество его было не благопріобрѣтеннымъ, а наслѣдованнымъ. — Выше мы сказали, что Симеонъ былъ трапезундецъ. Съ именемъ трапезундцевъ того времени, о которомъ мы говоримъ, соединяется у нѣкоторыхъ новѣйшихъ историковъ представленіе какъ о лицахъ, наклонныхъ къ интригамъ и безмѣрно честолюбивыхъ. Такъ какъ царство трапезундское пало отъ руки Магомета II вслѣдъ за византійскимъ (именно въ 1461 г.) и цвѣтъ трапезундскаго общества частію добровольно, частію насильственно переселился въ Византію, то полагаютъ, что эти трапезундцы, по переселеніи сюда, начали всячески интриговать въ надеждѣ пріобрѣсти значеніе и силу въ государствѣ и обществѣ ¹⁾. Въ чемъ выражалось интриганство трапезундцевъ въ Византіи въ политическихъ сферахъ, при Магометѣ II, вопросъ этотъ для насъ не представляетъ интереса. Что же касается церковныхъ византійскихъ сферъ, гдѣ будто бы тоже много смуть и неурядицъ возникло по винѣ трапезундцевъ въ тоже время, то мы на это должны сказать: мы рѣшительно не вѣримъ въ интригантство трапезундцевъ въ этомъ случаѣ. Вотъ напр. Симеонъ трапезундецъ, онъ сдѣлался патріархомъ; допустимъ даже, что онъ достигъ сана не прямыми путями, а при помощи своихъ единоплеменцевъ, имѣвшихъ значеніе при дворѣ. Что же худаго мы можемъ сказать объ этомъ трапезундцѣ? Греческіе историки древняго времени съ значительнымъ единодушіемъ говорятъ о немъ въ исключительно-похвальномъ тонѣ ²⁾. На какомъ бы основаніи мы стали отрицать эти свидѣтельства? И ради какой цѣли? Развѣ для того, чтобы въ трапезундцахъ отыскивать причину появившихся нестроеній и въ церкви? Но вѣдь и безъ трапезундцевъ между константинопольскими Греками много было людей негодныхъ и своекорыстныхъ, которые помимо трапезундцевъ, могли быть и были источникомъ разныхъ непорядковъ въ константинопольской церкви. Намъ кажется, дѣло лишнее сваливать на трапезундцевъ

¹⁾ См. напр. Pichler'a: *Geschichte der kirchlichen Trennung* I, 425; проф. Мальшевскаго: „Мелетій Пигасть“, стр. 9—10.

²⁾ *Hist. Patr. loc. cit. Δωροθεύς*, σελ. 423—424; *Μελετίου* σελ. 331. И о другихъ трапезундцахъ иногда указывается, что, находясь при султанскомъ дворѣ, они прямо дѣйствовали въ интересахъ православной церкви (*Hist. Patr.*, p. 117—118).

то, въ чемъ, нѣтъ сомнѣнія—виноваты сами Греки одни. Не будемъ отрицать того, что изрѣдка нѣкоторые изъ трапезундцевъ причиняли непріятности главамъ византійской церкви, но то, что случалось изрѣдка, не можетъ быть возводимо въ какое-то общее правило. Патріархъ Симеонъ трапезундецъ, — вотъ ручальство, что были и прекрасные люди между этими пришельцами, настолько прекрасные, что ихъ скорѣе можно поставить въ образецъ Грекамъ, чѣмъ жалѣть о Грекахъ, что въ ихъ среду въ Константинополѣ вошелъ и элементъ трапезундскій,—трапезундскій, но конечно все же греческій: церковь трапезундская была въ существѣ дѣла все же церковь греческая. Не мѣшаетъ еще упомянуть и о томъ, что очень скоро эти элементы слились между собою въ Византіи, не оставивъ никакихъ слѣдовъ ихъ первоначальныхъ различій.

Къ числу достойнѣйшихъ патріарховъ относится Максимъ III. Еще будучи міряниномъ и проходя должность великаго епископа, онъ показалъ себя ревностнымъ охранителемъ церковныхъ законовъ, за что и пострадалъ отъ иновѣрной власти. Избранный въ патріархи, онъ былъ посвященъ въ монахи, при чемъ прежнее его имя: Мануиль замѣнено новымъ: Максимъ. Нравственный образъ Максима, какъ патріарха, лѣтописецъ рисуетъ очень кратко. При немъ въ церкви господствовала любовь, какъ требуетъ того христіанскій законъ. Онъ очень заботливо наставлялъ паству на путь истинный. Правленіе его характеризуется какъ мирное и неблаженное. При немъ не оставалось мѣста ни для какихъ разногласій въ церкви ¹⁾.

Какъ человѣкъ безупречной нравственной жизни является предъ нами патріархъ Нифонтъ II. О немъ извѣстно, что онъ въ ранней молодости полюбилъ жизнь монашескую и оставивъ родительскій домъ поселился въ одномъ изъ аѳонскихъ монастырей. Онъ чуждъ былъ какого бы то ни было искательства, но ему суждено было сдѣлаться архіереемъ. Когда однажды сдѣлалась вакантною митрополичья кафедра въ Фессалоникѣ, Нифонтъ неожиданно былъ выбранъ жителями этого города въ митрополиты. Сначала онъ и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы принять на себя санъ архи-

¹⁾ Historia Patr. p. 116. (Дороевъ—427, Киргала - 441, Мелетій - 333—все брать свои отзывы о Максимѣ изъ Hist. Patr.).

пастыря ессалоникскаго; и только просьбы и убѣжденія прочихъ аеонскихъ монаховъ побудили его принять бремя правленія ессалоникскою церковію. Впослѣдствіи и на каѳедрѣ патриаршей Нифонтъ сохранилъ тоже смиреніе, какимъ онъ отличался въ качествѣ простаго монаха на Аеонѣ. Интересно наблюдатель, что Нифонтъ былъ назначенъ не константинопольскимъ синодомъ на ессалоникскую каѳедру, а былъ избранъ архіереями и клириками, принадлежавшими къ ессалоникскому округу и жителями этого города ¹⁾). Если лѣтописецъ не фантазируетъ, то мы въ этомъ случаѣ видимъ примѣръ сохраненія древнихъ обычаевъ, въ силу которыхъ паства сама имѣла право избирать себѣ пастыря. Что касается патриаршествованія Нифонта, то оно не обошлось безъ печалей и страданій, но онъ безропотно несъ свой крестъ, о чемъ впрочемъ подробнѣе будемъ говорить послѣ.

Къ числу не худыхъ патриарховъ разсматриваемаго времени, кажется можно относить Діонисія II, родомъ изъ Галаты въ Византіи. По крайней мѣрѣ мы должны приписывать ему качества кротости и всепрощенія. Въ его жизни былъ такой случай. Однажды въ праздникъ Преображенія патриархъ совершалъ литургію, вдругъ къ нему подбѣжалъ какой-то безумецъ съ ножомъ въ рукѣ и хотѣлъ его зарѣзать. Къ счастью, дѣло ограничилось тѣмъ, что орудіе повредило носъ у патриарха. Произошло великое смятеніе. Виножникъ былъ схваченъ. Народъ требовалъ, чтобы его повѣсили. Но патриархъ разсудилъ иначе: онъ приказалъ отпустить на свободу дерзкаго человѣка. Впослѣдствіи преступникъ сдѣлался монахомъ ²⁾). Поступокъ этотъ, безъ сомнѣнія, совершенно сообразенъ съ тѣмъ идеаломъ, какой долженъ осуществлять собой истинный пастырь стада Христова.

Изъ числа патриарховъ изучаемаго времени болѣе или менѣе опредѣленныя свѣдѣнія имѣемъ еще о нравственныхъ достоинствахъ Іереміи II. Авторъ сочиненія: *Historia Patriarchica* изображаетъ нравственный образъ Іереміи въ чертахъ самыхъ возвышенныхъ. Онъ именуетъ его благочестивымъ, святымъ, милосердымъ и находитъ, что онъ отобра-

¹⁾ *Histor. Patriarch.*, p. 128—129.

²⁾ *Λαροθέον* σελ. 447. (Σάθα: Παράρτημα—ἐκ τοῦ χρονολόγου Λαροθέου, σελ. 7).

зиль въ себѣ тѣ самыя качества, которыя были присущи, какъ говоритъ ап. Павелъ, самому Иисусу Христу въ Его земной жизни¹⁾. Но мы должны сказать, что этотъ авторъ писалъ свою книгу тогда, когда Іеремія только что началъ патріаршествовать, не говоря уже о томъ, что приведенная характеристика патріарха слишкомъ риторична и потому не можетъ внушать къ себѣ довѣрія. Впрочемъ мы не хотимъ отрицать нравственныя достоинства у Іереміи; мы затрудняемся лишь точно опредѣлить степень ихъ. Быть можетъ ближе къ истинѣ стоитъ та характеристика Іереміи, какую находимъ у Іерооѳея монемвасійскаго. Онъ пишетъ: „Іеремія происходилъ отъ добрыхъ родителей, былъ дѣятеленъ, хотя и не чуждъ былъ грубоватости; онъ не получилъ навыка по части строго-монашеской жизни, хотя и былъ воздерженъ“²⁾. Разумѣется, эту характеристику нельзя назвать очень лестною, но съ другой стороны нужно помнить, что отъ такого пессимиста, какъ Іерооѳей, лучшихъ отзывовъ, кажется, никто не дождался. Во всякомъ случаѣ мы не видимъ основаній исключить имя Іереміи изъ числа именъ наиболѣе достойныхъ патріарховъ XVI вѣка.

Затруднительнѣе рѣшить вопросъ: относить-ли къ лучшимъ патріархамъ изучаемаго времени Марка II Ксилокарвиса? Лѣтописецъ говоритъ, что его не любили клирики, и что при немъ они дѣлали много соблазнительнаго³⁾. Но почему клирики не любили его и устроили скандалы—потому-ли, что патріархъ былъ недостойный человѣкъ или еще почему. Гедеонъ составляетъ себѣ хорошее мнѣніе о Маркѣ. Онъ называетъ его мужемъ добрымъ и достойнымъ. А его столкновенія съ клириками объясняетъ тѣмъ, что патріархъ былъ человѣкъ очень строгой и желалъ ввести строгую дисциплину въ рядахъ константинопольскихъ клириковъ⁴⁾. А если такъ, то правильнѣе будетъ относить

¹⁾ Pag. 191.

²⁾ *Ἱστορία τοῦ Ἱεροοῦθοῦ*, σελ. 449: ἀπαίδευτος ἀπὸ κολογορικῆν τάξιν (*Κιγάλας*, σελ. 466: ἄπρακτος ἀπὸ κολογορικῆν τάξιν) Σάθα. *Παράρτημα*, 9. Какимъ образомъ на основаніи этого Іерооѳеева извѣстія проф. Малышевскій дѣлаетъ замѣтку объ Іереміи II, что онъ называется добрымъ монахомъ, испытаннымъ практикой жизни“ (Мелетій Пиг. стр. 23), мы не понимаемъ.

³⁾ *Historia Patriarchica*, p. 101.

⁴⁾ *Γεδεών*, σελ. 481—482.

Марка къ лицамъ нравственно-высокимъ, но недостаточно искуснымъ въ управленіи церковію.

О нѣкоторыхъ патріархахъ изучаемаго времени, по ихъ нравственной сторонѣ, мы не находимъ очень опредѣленныхъ свѣдѣній, а потому не дѣлая о нихъ замѣчаній здѣсь (тѣмъ болѣе, что съ иными изъ нихъ намъ придется еще встрѣтиться впослѣдствіи), мы скажемъ теперѣ о такихъ патріархахъ, которые по ихъ нравственному облику составляютъ противоположность лучшимъ и достойнѣйшимъ константинопольскимъ іерархамъ XV и XVI вѣка, исчисленнымъ выше.

Рѣшительно всѣ историки какъ прежняго, такъ и нашего времени говорятъ съ презрѣніемъ и негодованіемъ о патріархѣ константинопольскомъ Рафаилѣ. По извѣстіямъ единственнаго источника, изъ котораго черпаемъ извѣстія о Рафаилѣ, всѣ послѣдующіе повѣствователи: именно *Historia Patriarchica*—этотъ патріархъ, былъ человѣкъ крайне невоздержный. Онъ даже не былъ въ состояніи присутствовать ни при вечернемъ, ни утреннемъ богослуженіи, такъ какъ отъ пьянства не могъ выстаивать обычнаго богослуженія. Кто не являлся къ нему въ какой бы то ни было часъ дня—ради-ли духовныхъ совѣтовъ или съ цѣлью найти у него обычный судъ—таковой находилъ патріарха непремѣнно пьянымъ. Соблазнъ достигъ крайней степени, когда произошелъ слѣдующій случай: Рафаилъ пьянымъ пришелъ ко всеобщему бдѣнію въ великій пятокъ страстной недѣли, но за богослуженіемъ, стоя на тропѣ, задремалъ, при чемъ изъ его рукъ выпалъ патріаршій жезлъ; задремавшаго патріарха разбудили и дали ему снова выпавшій изъ его рукъ жезлъ. Послѣ сообщенія этого извѣстія лѣтописецъ замѣчаетъ, что весь міръ возненавидѣлъ Рафаила—и священники и міряне ¹⁾). Нужно-ли понимать эту характеристику патріарха Рафаила съ полною буквальною? Намъ кажется, что требуется нѣкоторая критическая осторожность при изученіи выше приведенныхъ, чрезвычайно не обычныхъ свѣдѣній. Возможно, что Рафаилъ вовсе не былъ такимъ пропадающимъ человѣкомъ, какимъ рисуетъ его греческая исторіографія. Нужно принять во вниманіе одно очень важное

¹⁾ *Histor. Patriarch.* p. 113—114.

обстоятельство: Рафаиль по своему происхожденію былъ не Грекъ, а Сербъ. Сербъ на константинопольскомъ патриаршемъ престолѣ—слыханное ли это дѣло? Во всякомъ случаѣ, то несомнѣнный фактъ, что въ теченіе многихъ вѣковъ, какіе прожила греческая церковь подъ владычествомъ Турокъ, только одинъ разъ и занималъ патриаршее мѣсто славянинъ. Разумѣемъ Рафаила. Думаемъ, что Грекамъ казалось невыносимымъ дѣломъ, прямымъ оскорбленіемъ для нихъ, что кафедра Византіи стала достояніемъ какого-то славянина. Нужно знать, какъ Греки всегда презирали и гнушались всѣмъ тѣмъ, что лежало за предѣлами ихъ благороднѣйшей, какъ имъ казалось, націи, чтобы понять: могли ли они равнодушно видѣть Серба на кафедрѣ Григорія Богослова и Златоуста. Давнишнее филэллинство Грековъ не могло мирить ихъ съ фактомъ появленія какого-то серба во главѣ ихъ церковнаго управления. Это наше размышленіе не есть плодъ фантазіи. Историкъ Кигала, передавая тотъ же рассказъ о Рафаилѣ, ясно даетъ замѣтить, чѣмъ главнѣе всего возмущались константинопольскіе христіане при видѣ Рафаила. Кигала во первыхъ называетъ его чело-вѣкомъ „преварварскимъ“ (*πριβαίρβαρος*), давая тѣмъ знать, что для Грековъ славянинъ есть совершеннѣйшій варваръ; во вторыхъ тотъ-же историкъ пишетъ, что возненавидѣлъ его народъ между прочимъ и за то, что онъ говорилъ не греческимъ языкомъ (*ἀλλόγλωσσος*) ¹⁾. Намъ представляются очень многозначительными эти замѣтки Кигалы: онѣ проливаютъ, какъ намъ кажется, настоящій свѣтъ на ту характеристику, какой удостоивается Рафаиль у греческаго лѣтописца. Чтобы не возвращаться къ личности Рафаила въ другой разъ, мы теперь же передадимъ и нѣкоторыя другія свѣдѣнія касательно этого патриарха; изъ этихъ свѣдѣній еще яснѣе открывается, что константинопольскіе христіане, Греки, съ явной враждой встрѣтили патриаршествованіе Рафаила, что они, далѣе, не скрывали своей антипатіи къ нему во время его правленія церковію и что наконецъ только ненависть Грековъ довела Рафаила до того униженія и той злосчастной смерти, которая служила достойнымъ завершеніемъ драмы. Едва-ли нужно до-

1) *Κιγάλας*, σελ. 440.

бавлять, что чувство нерасположенія къ Рафаилу отъ предковъ перешло къ потомкамъ, и такимъ образомъ сложилось и упрочилось въ исторіи то мрачное сказаніе, какое нами приведено выше. Рафаиль, какъ само по себѣ понятно, не былъ народнымъ избранникомъ. Греки никогда не позволили бы себѣ по доброй волѣ посадить на патриаршую кафедру Константинополя--Славянина. Рафаиль назначенъ былъ въ патриархи высочайшей волей Магомета II. Константинопольскій соборъ съ своей стороны лишь исполнилъ пустую формальность, когда изъявилъ согласіе имѣть Рафаила патриархомъ. Думаемъ, что султанъ не самъ пришелъ къ мысли возвести Рафаила въ патриархи, но что онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ своей мачихи, родомъ Сербки и христіанки; возможно, что эта мачиха, Марія, пожелала видѣть облеченнымъ патриаршимъ саномъ одного изъ членовъ ея свиты, какимъ могъ быть и Рафаиль. Впрочемъ должно сознаться, что имя Маріи не упоминается греческимъ летописцемъ при разсказѣ о разсматриваемомъ патриархѣ. Назначеніе Рафаила въ патриархи встрѣчено было въ византійской церкви явной оппозиціей: митрополитъ ираклійскій, который по древнему обычаю посвящалъ патриарха константинопольскаго, на этотъ разъ не пожелалъ исполнить этого долга и сказался больнымъ. Двое другихъ важнѣйшихъ іерарха кесарійскій и ефесскій тоже уклонились отъ этой чести. Посвящалъ Рафаила митрополитъ анкирскій, можетъ быть и не по доброй волѣ. И вотъ Рафаиль сталъ патриархомъ. Но оппозиція ничуть не думала мириться съ совершившимся фактомъ. Архіереи устроили стачку (*ἐξαισαν στάσιον*) и отказывались служить въ церкви вмѣстѣ съ Рафаиломъ: и только изъ страха передъ султаномъ, противъ воли стали потомъ участвовать въ богослуженіи съ патриархомъ. Истиннымъ торжествомъ для оппозиціи была та минута, когда Рафаиль долженъ былъ внести обѣщанныя имъ султану двѣ тысячи дукатовъ, а между тѣмъ въ казні патриарха не было ни копѣйки. Да и откуда могли бы взяться деньги у Рафаила? Всѣ константинопольскіе христіане-клирики, архонты, и весь народъ—рѣшились отнюдь не оказывать помощи Рафаилу—по замѣчанію летописца. По выраженію Кигалы не было совершенно никого, кто бы помогъ патриарху. Греки добивались того, чтобы непріятный

имъ патріархъ сталъ банкротомъ. Когда Рафаиль не въ состояніи былъ внести въ султанскую казну вышеуказанную сумму денегъ, то онъ былъ посаженъ Турками въ темницу,—по словамъ лѣтописца; а по Кагалѣ выходитъ, что въ темницу бросили его не Турки, а сами же Греки изъ ненависти къ патріарху. Конецъ жизни Рафаила былъ печаленъ. Находясь въ темницѣ, онъ будто бы заявилъ, что пусть позволятъ ему ходить по улицамъ и собирать деньги въ надеждѣ, что ему удастся собрать столько денегъ, сколько нужно для уплаты въ казну. Ему позволили это, возложивъ однако на его шею тяжелую желѣзную цѣпь, держась за которую и водилъ его какой-то Турокъ по стогнамъ столицы. Зрѣлище отвратительное! Но у греческихъ историковъ напрасно мы стали бы искать хотя одного слова, выражающаго состраданіе къ несчастному. Вскорѣ послѣдовавшая смерть положила конецъ страданіямъ Рафаила. Разумѣется собрать ту большую сумму денегъ, какая была надобна, не было никакой возможности: Рафаиль могъ набирать лишь столько денегъ, сколько необходимо было ему на пропитаніе, или, по саркастическому выраженію лѣтописца, на объяденіе и пьянство ¹⁾). Вотъ исторія Рафаила. Это одна изъ самыхъ драматическихъ страницъ въ исторіи константинопольской патріархіи новѣйшихъ временъ. Мы не сомнѣваемся, что это дѣйствительная драма, въ которой роль страдальца играетъ вселенскій патріархъ-славянинъ, а роль мучителей подчиненные ему христіане, оскорбленные тѣмъ, что какой-то славянинъ осмѣлился возсѣсть на столичную кафедру греческаго царства и вымещающіе на страдальцѣ свою національную вражду къ тѣмъ, кто не Греки.

Дѣлая наши критическія замѣчанія по поводу исторіи патріарха Рафаила, мы однакожъ не думаемъ отвергать историческихъ фактовъ, сюда относящихся, такъ какъ не намѣрены идти наперекоръ всѣхъ историковъ всего свѣта. Было бы слишкомъ смѣло обѣлять Рафаила и выставлять его исключительно жертвой національной вражды; тѣмъ не менѣе мы рѣшаемся утверждать, что по всей вѣроятности Рафаиль не былъ такимъ потеряннмъ человѣкомъ, какимъ рисуется его греческая исторіографія. Слишкомъ много тѣней наложено и безъ того на несвѣтлую личность Рафаила.

¹⁾ Hist. Patriarch. p. 114—116. *Κηγάλας*, σελ. 440. *Λωρόθεος*, 425.

Допускать сильное преувеличеніе въ изображеніи патріарха Рифаила заставляетъ уже и то обстоятельство, что не странно-ли: только одинъ славянинъ занималъ кафедру константинопольскую, и тотъ, по увѣренію Грековъ, былъ жалчайшимъ человѣкомъ?

Другой патріархъ, о нравственности котораго можно составлять невыгодное мнѣніе — это Максимъ IV. Въ мірѣ Манассія, онъ сначала былъ аеонскимъ монахомъ, а потомъ митрополитомъ серрскимъ; по избраніи въ патріархи онъ получилъ имя Максима. Характеризуя его нравственную жизнь, греческій лѣтописецъ пишетъ: когда онъ былъ патріархомъ, о немъ распространилась въ обществѣ худая молва — и всѣ христіане, священники и міряне начали поносить его. Справедливо или нѣтъ поносили его — это лучше всѣхъ зналъ самъ патріархъ, и онъ долженъ будетъ отдать отчетъ на страшномъ судѣ Соблазнъ происходилъ — прибавляетъ повѣствователь — по причинѣ одного монаха, по имени Гавріила ¹⁾. Вотъ разсказъ, дающій основаніе заподозрить нравственность патріарха; онъ конечно не ясенъ. Мануиль Гедеонъ поставляетъ худой слухъ о патріархѣ въ связь съ личностію вышеупомянутаго Гавріила и такимъ образомъ даетъ поводъ полагать, что слишкомъ интимныя отношенія Максима къ Гавріилу были поняты обществомъ въ преступномъ для патріарха смыслѣ ²⁾. Максимъ вынужденъ былъ оставить патріаршую кафедру.

Яснѣе и опредѣленнѣе констатируется нравственная распущенность патріарха Теолипта I. Онъ былъ сдѣланъ патріархомъ изъ митрополитовъ Яннины. Не смотря на то, что онъ патріаршествовалъ лѣтъ пять, о немъ не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній. Въ его патріаршествованіе возникло великое смятеніе по тому поводу, что явились обвинители и свидѣтели, которые брались уличить патріарха въ совершеніи имъ плотскаго грѣха. Это нѣсколько неопредѣленное обвиненіе новѣйшіе историки прямѣе называютъ обвиненіемъ въ блудодѣяніи. Для суда надъ патріархомъ собранъ былъ соборъ въ Константинополѣ, но прежде чѣмъ онъ окончилъ свое дѣло — Теолиптъ умеръ и такимъ образомъ членамъ собора не было надобности доводить про-

¹⁾ Hist. Patriarch., p. 134.

²⁾ Γεδεών, σελ. 491—2.

цессъ патріарха до конца. Правленіе Θεолипта замѣчательно тѣмъ, что при разсказѣ о его патріаршествованіи встрѣчается первое указаніе на то, что этотъ патріархъ испросилъ себѣ у султана бэратъ, утверждающій его въ патрішей должности ¹⁾. Само собой понятно, что полученіе бэрата отъ султана поставляло патріарха въ особую зависимость отъ мусульманской главы государства. И если бэратъ первый получилъ Θεолиптъ, конечно потому, что хотя и желалъ патріаршествовать, но не надѣялся быть избраннымъ путемъ законнымъ, то на этомъ патріархѣ лежитъ тяжкая вина, состоящая въ пренебреженіи церковными интересами и въ поставленіи личныхъ разсчетовъ выше этихъ послѣднихъ.

Четвертымъ и послѣднимъ лицомъ на патріаршемъ престолѣ, нравственныя качества котораго возбуждаютъ большія сомнѣнія, былъ Іоасафъ II. Онъ обладалъ значительнымъ богатствомъ, такъ какъ ему удалось открыть какой то кладъ. Въ обращеніи съ клириками онъ былъ гордъ, надмененъ и тщеславенъ. Онъ держалъ въ отдаленіи отъ себя даже своихъ секретарей, не желая прямо изъ ихъ рукъ брать и тѣ бумаги, которыя ему слѣдовало подписать и припечатать патріаршею печатію: для сношеній съ секретарями онъ избралъ особый способъ, пріучавшій ихъ къ смиренію. Но хуже всего было то, что онъ любилъ произволъ и занялся себя симоніею, не смотря на то, что будучи богатъ, онъ, повидимому, не долженъ былъ гоняться за золотомъ. Герлахъ зналъ, что въ Константинополѣ считали Іоасафа симоніакомъ, пускавшимъ въ продажу епископскія мѣста. Но важнѣе свидѣтельства Герлаха въ этомъ отношеніи опредѣленіе собора, бывшаго въ Константинополѣ. Самъ Іоасафъ собралъ этотъ соборъ, имѣя въ виду сдѣлать на немъ постановленія, грозныя для непослушныхъ клириковъ. Но соборъ обратилъ свою дѣятельность противъ самого Іоасафа. Ободряемые тогдашнимъ временщикомъ, Михаиломъ Кантакузиномъ, члены собора подняли дѣло о симоніи патріарха и присудили его къ лишенію каѳедры, къ возвращенію незаконно имъ набранныхъ денегъ и къ ссылкѣ на Аеонъ. Соборъ состоялъ изъ очень большаго числа членовъ: на немъ

¹⁾ Hist. Patr., p. 151—152. Heineccii. Abbildung der Griechischen Kirche. I, 50.

быль 51 митрополить и епископъ ¹⁾. Положимъ, что соборъ дѣйствовалъ можетъ быть и не совсѣмъ самостоятельно, такъ какъ онъ находился подъ вліяніемъ Кантакузина, но во всякомъ случаѣ мы не вправѣ заподозрѣвать честность его дѣйствованія, какъ иногда это дѣлается. Такой многочисленный соборъ, вѣдь, нельзя же было склонить къ несправедливости—даже и сильному временщику. Нѣкоторые изъ современниковъ Іоасафа старались обѣлить патриарха и выставить его невинной жертвой Кантакузинова деспотизма. Такъ на защиту Іоасафа выступали въ свое время Іоаннъ и Θεодосій Зигомалà (отецъ и сынъ), двое константинопольскихъ ученыхъ XVI вѣка. Θεодосій Зигомала именовалъ его мужемъ превосходнымъ, и указывалъ, что патриархъ только по ненависти лишень каеэдры; при чемъ давалъ знать, что дѣянія собора константинопольскаго, 1565 года противъ Іоасафа внесено въ *Historia patriarchica* (Малаксомъ) вопреки справедливости ²⁾. Другой Зигомала—Іоаннъ въ бесѣдѣ съ Герлахомъ рекомендовалъ Іоасафа, какъ человѣка добраго, невиннаго и святаго, который низверженъ съ каеэдры несправедливо ³⁾. Но эта защита Іоасафа со стороны обоихъ Зигомалà едва-ли значительна. Прежде всего свидѣтельство двухъ такихъ лицъ, какъ отецъ и сынъ, будетъ справедливо считать за одно свидѣтельство; а одно свидѣтельство едва-ли можетъ поколебать тѣ авторитетныя сообщенія, которыя приведены выше и которыя служатъ не къ чести патриарха. За тѣмъ: Іоаннъ Зигомала могъ любить Іоасафа какъ своего бывшаго ученика (Іоасафъ учился у Іоанна) ⁴⁾, а оба Зигомалà могли цѣнить этого іерарха, и какъ любителя и покровителя науки (какимъ былъ Іоасафъ), и какъ такое лицо, которое помнило заслуги Іоанна, въ качествѣ наставника,—и сообразно съ этимъ платило какими либо милостями обоимъ Зигомала. Вообще, намъ кажется, нѣтъ побудительныхъ причинъ много смягчать тогъ приговоръ, какой въ свое время исторія произнесла надъ Іоасафомъ. Икономось, не становясь ни на сторону благоприятныхъ из-

¹⁾ Hist. Patr. p. 179—187. *Δωρόθεος*, σελ. 448. (*Παράρτημα*, 8). Gerlach, Tagebuch, S. 59.

²⁾ Epist. Theod. Zygomalaе: Turco-Graecia p. 95—96.

³⁾ Gerlach. Tagebuch. s. 459.

⁴⁾ *Δωρόθεος* σελ. 447 (*Παράρτημα*, 8).

вѣстій о Іоасафѣ, ни на сторону неблагопріятныхъ извѣстій о немъ, считаетъ возможнымъ характеризовать его и какъ мужа достопочтеннаго и какъ симоніака ¹⁾, но такое совмѣщеніе противоположнаго едва-ли можетъ заслуживать одобренія и признанія.

Сообразно нашему плану послѣ изображенія нравственнаго облика константинопольскихъ патріарховъ извѣстнаго времени, у насъ должна вестись рѣчь о церковно-общественной дѣятельности ихъ. Представивъ нѣсколько образцовъ, характеризующихъ нравственную сторону разсматриваемой патріархіи, обратимся къ изученію церковно-общественной дѣятельности ея въ XV и XVI вѣкахъ. Къ сожалѣнію, исторія очень не богата фактами, на основаніи которыхъ можно было бы составлять сколько нибудь обстоятельное представленіе по указанному предмету. Сообщимъ прежде всего свѣдѣнія о нѣкоторыхъ болѣе замѣчательныхъ по своимъ стремленіямъ и цѣлямъ соборахъ константинопольскихъ изучаемой эпохи.

При патріархѣ Симеонѣ I составилъ соборъ, созваніе котораго Гедеонъ однако относитъ ко времени Симеонова предшественника Максима III. Документъ, изъ котораго мы черпаемъ свѣдѣнія о немъ, состоитъ во первыхъ изъ краткаго опредѣленія этого самаго собора касательно извѣстнаго собора флорентійскаго и во вторыхъ узаконенія его касательно того чина, по какому слѣдуетъ принимать въ церковь латинскихъ христіанъ, ищущихъ общенія въ православнымъ обществомъ. Само собою понятно, что соборъ флорентійскій, считааемый на западѣ вселенскимъ, подвергается на разсматриваемомъ соборѣ осужденію и отверженію. Интересно, что соборъ константинопольскій называетъ себя почему-то вселенскимъ, — разумѣется такой титулъ принадлежать ему не можетъ. Можно предположить, что этотъ соборъ присвоилъ себѣ не принадлежащій ему титулъ ради того соображенія, что соборъ вселенскій, за какой выдавалъ себя соборъ флорентійскій, долженъ быть отвергнутъ только соборомъ равнаго значенія. Но еще интереснѣе вопросъ: съ какой стати въ правленіе патріарха Максима и Симеона вдругъ понадобилось отвергнуть и осудить названный со-

¹⁾ Маты, I, стр. 626—627.

боръ западный? Судя по тому, что собору константинопольскому нужно было главнымъ образомъ рѣшить вопросъ объ образѣ принятія въ церковь латинянъ, можно полагать, что встрѣчались лица, будь то въ церкви латинской или греческой, которыя считали лишнимъ подвергать латинянъ, ищущихъ общенія съ православною церковію, какому либо церковному испытанію, основываясь на томъ, что соборъ флорентинскій провозгласилъ, съ согласія восточныхъ церковныхъ и гражданскихъ властей, единеніе между восточными и западными христіанами, а для людей, обязавшихъ себя къ взаимному единенію, нѣтъ надобности ни въ какомъ испытаніи въ случаѣ, если они отъ теоретическихъ представлений о единеніи желаютъ перейти къ фактическому осуществленію этого единенія. Что подобныя сужденія дѣйствительно встрѣчались въ то время, это отчасти видно изъ того, что разсматриваемый соборъ константинопольскій именуется себя разумѣется не безъ особеннаго намѣренія, *первымъ* вселенскимъ соборомъ, на долю котораго выпала задача подорвать значеніе собора флорентійскаго. Къ чему бы такое указаніе, если бы у разбираемаго собора не было практической необходимости обнаружить и провозгласить незаконность собора флорентійскаго? Въ самомъ чинѣ принятія латинянъ, помѣщенномъ въ разбираемомъ документѣ, между другими вопросами, которые опредѣлено предлагать обращающемуся въ православіе латинянину, стоитъ и вопросъ: „отвергаешь ли и считаешь ли за ничто соборъ бывшій во Флоренціи и сего опредѣленія, противныя православной церкви“? Внесеніе такого вопроса въ чинъ ясно свидѣтельствуется, что соборъ флорентійскій какъ историческій фактъ, причинялъ безпокойство церковному правительству Константинополя—и при томъ безпокойство—какъ мы думаемъ—въ томъ самомъ смыслѣ, на какой нами указано сейчасъ. Заслуживаетъ особеннаго вниманія еще слѣдующее обстоятельство: соборъ константинопольскій именуется себя „первымъ“, отвергшимъ флорентійскій соборъ. Значитъ не было никакого такъ называемаго Софійскаго собора въ Константинополѣ въ 1450 году, который выдается многими восточными писателями за дѣйствительно существовавшій, и которому приписывается отверженіе указаннаго уніатскаго собора. Мы впрочемъ никогда не сомнѣвались, что, не

смотря на энергическую защиту подлинности дѣяній софійскаго собора Досиоеемъ іерусалимскимъ, этого собора на самомъ дѣлѣ не происходило и что дѣянія его кѣмъ нибудь сфабрикованы на Востокѣ, по неблагоразумію, „мняся службу приносить Богу“¹⁾. Намъ думается, что поводъ къ такой фабрикаціи былъ поданъ именно соборомъ константинопольскимъ, бывшимъ при патріархѣ Симеонѣ. Дѣло понятное, что этотъ соборъ не былъ вселенскимъ, за каковой онъ выдаетъ себя, а между тѣмъ, не имѣя характера вселенскаго собора, онъ и не обладалъ правомъ отвергать флорентійскаго собора, признаннаго на западѣ всѣми, а на востокѣ церковнымъ и государственнымъ правительствомъ въ свое время—за настоящій вселенскій соборъ. Выходила нѣкоторая коллизія: флорентійскій соборъ выдаетъ себя, повидимому на достаточныхъ основаніяхъ, за соборъ вселенскій, а между тѣмъ на Востокѣ не послѣдовало соотвѣтствующаго отпора этимъ притязаніямъ; соборъ при патріархѣ Симеонѣ, хотя и имѣлъ цѣлю уничтожить авторитетъ и значеніе собора флорентійскаго, но самъ онъ былъ лишень должнаго авторитета; въ результатѣ получалось странное представленіе, что какъ будто флорентійская унія еще не отмѣнена и есть фактъ великой важности. Въ виду такихъ обстоятельствъ и могла придти какому либо неумѣренному ревнителю православія — мысль сфальсифицировать акты собора Софійскаго вселенскаго отъ 1450 года. Имѣлось такимъ образомъ въ виду авторитетному противопоставить равное: вселенскому собору западному вселенскій соборъ восточный. Если мы въ своихъ разсужденіяхъ сколько нибудь попадаемъ на дѣйствительно историческій слѣдъ, то соборъ при Симеонѣ долженъ быть признанъ однимъ изъ важныхъ звѣньевъ въ развитіи богословскаго полемическаго движенія на Востокѣ противъ римскаго католичества Запада. О самомъ чинопослѣдованіи принятія приходящихъ къ церкви латинянъ, которое помѣщено въ разсматриваемомъ нами документѣ, много распространяться мы не имѣемъ намѣренія. Отмѣтимъ лишь слѣдующее: соборъ при Симеонѣ отъ ла-

¹⁾ Нѣкоторыя свѣдѣнія о соборѣ софійскомъ см. въ нашемъ сочиненіи: „Очерки исторіи Грековосточ. церкви отъ конца XI до полов. XV вѣка“, стр. 438. М. 1892. Впрочемъ вопросъ о соборѣ софійскомъ такъ серьезень, что мы намѣрены съ теченіемъ времени посвятить ему отдѣльное сочиненіе.

тинскаго ренегата требовалъ только отреченія отъ римско-католическихъ заблужденій; актъ же присоединенія выражался въ томъ, что этого ренегата помазывали св. мѣромъ, какъ это происходитъ и по отношенію къ крещаемымъ младенцамъ. ¹⁾ Чинопослѣдованіе отличается простотою. Въ этомъ случаѣ греческая церковь XV вѣка много выше стоитъ греческой церкви XVIII и XIX вѣковъ. Какъ извѣстно, греческая церковь въ XVIII вѣкѣ подняла шумный споръ о томъ, какимъ способомъ принимать приходящихъ отъ латинства (и конечно и отъ протестанства) къ православію, и стала склоняться къ мнѣнію, что этихъ ренегатовъ нужно перекрещивать, какъ дѣйствительныхъ еретиковъ, не вѣрующихъ въ догматъ о Св. Троицѣ. Въ результатѣ этихъ споровъ появилась, какъ извѣстно тоже, въ церкви греческой противозаконная практика, способная охладить ревность ренегатовъ къ обращенію въ православіе и состоящая въ томъ, что такихъ ищущихъ православной истины здѣсь стали перекрещивать. Впрочемъ къ спорамъ греческой церкви по вопросу о перекрещиваніи латинянъ въ своемъ мѣстѣ мы еще возвратимся.

Второй соборъ, о которомъ мы считаемъ нужнымъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія, происходилъ около середины XVI вѣка, въ междопатріаршество по смерти Іереміи I. Объ этомъ соборѣ греческій лѣтописецъ сообщаетъ слѣдующія извѣстія: когда разнесся слухъ о смерти Іереміи, умершаго внѣ столицы, на пути въ Валахію и Молдавію, то въ Константинополѣ собрался великій соборъ, въ которомъ приняло участіе много архіереевъ, а также въ немъ участвовали клирики, архонты и замѣчательные люди изъ остальнаго константинопольскаго народа. Предсѣдательство на немъ взялъ на себя Германъ, тогдашній патріархъ іерусалимскій. Въ результатѣ соборныхъ совѣщаній явилось опредѣленіе, которое и было подписано какъ Германомъ, такъ и всѣми присутствовавшими на соборѣ архіереями и константино-

¹⁾ Γεδεών: *κανονικαὶ διατάξεις, ἐπιστολαὶ, λόγους τῶν πατριαρχῶν Κωνσταντινουπόλεως*, Τομ. II, σελ. 65—69, Константинополь, 1889; *Πατριαρχ. Πίνακες*, σελ. 488. (Въ первомъ сборникѣ Гедеономъ напечатанъ самый документъ, на основаніи котораго мы сообщили выше свѣдѣнія о соборѣ при патр. Симеонѣ, а во второмъ сочиненіи имъ же сдѣланы нѣкоторыя замѣчанія о томъ-же соборѣ).

польскими клириками. Въ опредѣленіи говорилось, что всякій архіерей, если онъ станетъ домогаться сдѣлаться патріархомъ безъ согласія всѣхъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ константинопольскаго патріархата, имѣющихъ свои каѳедры на Востокѣ (т. е. въ Азій), Западѣ (т. е. Европейской части Турціи) и Морей — всякій такой архіерей долженъ быть признанъ лишеннымъ не только своей каѳедры, но и архіерейскаго сана. Это опредѣленіе было прочтено на соборѣ и затѣмъ первый изъ митрополитовъ константинопольскаго патріархата, именно митрополитъ ираклійскій, облекшись въ омофоръ и епитрахиль, провозгласилъ анаемеу на каждого ослушника опредѣленія. Соборъ, такимъ образомъ, выработалъ слѣдующую программу, сообразно съ которой должно происходить избраніе новаго патріарха. Какъ скоро патріаршій престолъ становился вакантнымъ, архіереи, находящіеся въ Константинополѣ (а такихъ всегда бывало немало), и здѣшніе клирики должны были при посредствѣ гонца извѣстить всѣхъ архіереевъ константинопольскаго патріархата о томъ, что векорѣ должно произойти избраніе новаго патріарха — и съ тѣмъ вмѣстѣ пригласить ихъ для совершенія этого дѣла. Соборъ надѣялся, что въ этомъ случаѣ избраніе патріарха будетъ происходить „мирно, неблаженно и безъ всякаго искушенія“. Повидимому, соборное опредѣленіе нашло одобреніе и въ самомъ султанскомъ дворцѣ ¹⁾. Спрашивается: чѣмъ, какими побужденіями вызвано было это опредѣленіе? Что новаго представляло оно? Если будемъ читать извѣстное сочиненіе: „Исторія Патріаршая (Historia Patriarchica), то замѣтимъ слѣдующее любопытное явленіе: избраніе патріарховъ въ разное время происходило различно. Въ числѣ избирателей упоминаются то одни архіереи (случайно пребывавшіе въ Константинополѣ въ данное время), то вмѣстѣ — и архіереи и клирики, или же архіереи, а вмѣстѣ съ ними архонты и боголюбезный народъ. Отсюда мы выводимъ заключеніе, что до середины XVI вѣка, когда происходилъ разсматриваемый соборъ, въ константинопольской церкви не существовало нормы, сообразуясь съ которою должно бы происходить патріаршее избраніе. Это важное дѣло было игра-

¹⁾ *Histor. Patriarch.*, p. 169—170. *Μελετιών ιστορία* III, 370. *Γεδεών, σελ.* 507.

лицемъ случайностей ¹⁾). Разумѣется, похвалить такой порядокъ нельзя. Возможно, что соборъ константинопольскій подѣ предсѣдательствомъ Германа имѣлъ цѣлью урегулировать актъ избранія патріарха, дать ему опредѣленную норму. Нужно сказать, что опредѣленіемъ этого собора ничуть не исключалось участіе народа въ выборѣ патріарха (какъ иногда думаютъ). Это соборное опредѣленіе лишь хотѣло всѣхъ епископовъ патріархата сдѣлать участниками выборовъ, не устраняя однако и голоса народнаго. Вообще, разсматриваемый соборъ хотѣлъ выработать точную программу выборовъ, какая вошла въ практику лишь во второй половинѣ, текущаго, XIX вѣка. Этимъ же самымъ мы хотимъ сказать, что постановленіе собора своевременно въ практику не вошло. Прежде чѣмъ разбираемое постановленіе возымѣло силу въ исторіи греческой церкви, вопросъ о наилучшемъ способѣ избранія патріарха прошелъ еще одну фазу своего развитія, о чемъ будетъ упомянуто въ свое время. Что же касается XVI вѣка, когда имѣлъ мѣсто соборъ, подѣ предсѣдательствомъ Германа, то въ эту эпоху выборъ патріарха не пришелъ въ лучшее состояніе по сравненію со второй половиной XV-го и первыми десятилѣтіями XVI вѣка.

Почти такихъ же малыхъ результатовъ достигъ и многочисленный соборъ при патріархѣ Іоасафѣ II, соборъ, о которомъ мы имѣли случай упомянуть немного выше и который, хотя собранъ былъ при Іоасафѣ, но имѣлъ въ виду главнымъ образомъ подвергнуть осужденію самого-же патріарха. Соборъ этотъ, происходившій въ 1565 году и подвергшій суду Іоасафа, поставляетъ себѣ цѣлью удержать развитіе симоніи, въ которой повиненъ былъ и самъ патріархъ. Члены собора очень подробно мотивируютъ гнусность симоніи, но всѣ ихъ разъясненія не представляютъ новизны. Во всякомъ случаѣ, судя по историческимъ свидѣтельствамъ, соборъ очень рѣшительно выступилъ въ борьбу со зломъ. На немъ было опредѣлено, что если какой архіерей будетъ брать деньги

¹⁾ Гедеонъ (сѣл. 17 - 18) дѣлаетъ попытку ориентироваться въ вопросѣ о способахъ избранія патріарха въ XV и XVI вѣкахъ, но изъ его попытки видно, что авторъ не обладаетъ богатствомъ матеріаловъ для его рѣшенія и что онъ не сумѣлъ придти къ сколько нибудь яснымъ представленіямъ въ затронутомъ имъ вопросѣ.

за посвященіе во священныя должности, то такой подлежитъ низверженію изъ сана. Это опредѣленіе нѣкоторое время имѣло силу и архіереи перестали брать мзду за посвященіе. Но однако вскорѣ оказалось, что соборное постановленіе противъ симоніи было паліативомъ, потому что соборъ запретилъ взиманіе платы за актъ посвященія, но ничего не сказалъ касательно такъ называемаго эмватика, т. е. платы, какую патріархи съ архіереевъ, а архіереи со священниковъ брали за право проходить свою должность въ той или другой епархіи, а также въ томъ или другомъ приходѣ. Вѣдь это тоже симонія. И не даромъ греческій лѣтописецъ, передавая свѣдѣнія о соборѣ 1565 года, говорить, что отцы собора постѣкли листья на деревѣ, и вѣтви его, и самый стволъ, но оставили неприкосновенными корни, отъ которыхъ снова должно было вырасти древо познанія добра и зла. Такъ лѣтописецъ говоритъ о эмватикѣ, который держался на томъ же самомъ корнѣ, на какомъ и взиманіе платы за посвященіе (въ собственномъ смыслѣ симонія). И дѣйствительно, нашлись такіе архіереи, по словамъ того же лѣтописца, которые ничуть не опечалились отъ того, что соборъ 1565 года запретилъ брать деньги за посвященіе; они поступали очень искусно, обходя соборное прещеніе; отказались отъ запрещенной соборомъ платы, но за то стали брать эмватикъ двойной. Такимъ образомъ выходитъ, что то самое, что они теряли, не получая денегъ за посвященіе, они же получали полностью, взимая съ лицъ ими посвященныхъ двойную плату за право имѣть то или другое церковное мѣсто, разумѣется мѣсто, приносящее въ свою очередь доходъ ставленнику. Передавая извѣстія о подобнаго рода поступкахъ архіереевъ, тотъ же лѣтописецъ пишетъ: и вотъ „архіереи не могли подвергаться осужденію съ Симономъ Волхвомъ, да и наказанія никто не заслуживалъ за свои продѣлки; началось прежнее служеніе мамонѣ. Увы, увы“ ¹⁾. Само собой понятно, что не успѣшность борьбы собора съ симоніей не можетъ служить къ тому, чтобы отрицать значеніе за его дѣятельностію. Все же соборъ ревностно стремился къ церковному благоустройству и заслуживаетъ поэтому доброй памяти въ исторіи.

¹⁾ Hist. Patr. p. 187—189.

Изъ числа отдѣльныхъ патриарховъ, заслуживающихъ вниманія по ихъ церковно-общественной дѣятельности, кажется, съ наибольшимъ правомъ можетъ быть упомянутъ извѣстный Іеремія II Траносъ. Лѣтописецъ въ очень высокихъ чертахъ описываетъ личность Іереміи—и нѣтъ сомнѣнія, въ чертахъ преувеличенныхъ, но это не мѣшаетъ намъ считать его однимъ изъ достойнѣйшихъ патриарховъ эпохи. Интересно, что при описаніи правленія Іереміи лѣтописецъ въ первый разъ указываетъ на содержаніе султанскихъ бератовъ, получаемыхъ патриархами при ихъ вступленіи въ должность. Такихъ бератовъ Іеремія получилъ два отъ двухъ султановъ, царствовавшихъ преемственно въ его время. Они довольно близко подходятъ одинъ къ другому по содержанію и свидѣлствуютъ о томъ абсолютизмѣ, который усвоился патриарху въ принадлежащихъ его вѣдѣнію сферахъ. Іеремія получилъ въ силу этихъ бератовъ „власть и владычество надъ всѣми христіанами—лицами духовными и мірскими, онъ могъ производить все то, что требуется христіанской религіей, не опасаясь никакого препятствія. Противящійся той власти, какая дана патриарху бератомъ—подлежитъ наказанію по опредѣленію самого султана“. Патриарху, по смыслу берата, принадлежитъ судъ надъ митрополитами, епископами, іереями и всякимъ челоувѣкомъ греческой вѣры. Патриархъ постановляетъ опредѣленія касательно всѣхъ церквей и монастырей ¹⁾. Какое значеніе имѣла личность самого Іереміи по отношенію къ той формулировкѣ, какую получила власть патриарха въ этомъ документѣ, мы точно не знаемъ. Но современникъ Іереміи, Малаксъ, повидимому даетъ основаніе догадываться, что расположеніе султана къ Іереміи имѣло своего рода значеніе по отношенію къ вопросу о широтѣ правъ, какими пользовался Іеремія какъ патриархъ константинопольскій ²⁾. Церковно-общественная дѣятельность Іереміи для его времени выразилась очень многосторонне. Въ силу султанскаго берата, Іеремія сталъ естественнымъ судьей всѣхъ христіанъ православной вѣры; и это дѣло, по словамъ Малакса-же, онъ совершалъ съ такимъ неліцепріятіемъ, что всѣ радовались, имѣя такого замѣчательнаго вселенскаго патриарха.

¹⁾ Hist. Patr., p. 191--193. 200.

²⁾ Ibid. 200.

Этотъ же патріархъ вступилъ въ рѣшительную борьбу съ застарѣлымъ зломъ — симоніей. При немъ былъ созванъ въ 1572 году соборъ, на которомъ рѣшено было не только искоренить плату за посвященіе, но и самый эвватикъ, который не былъ осужденъ соборомъ 1565 года. Лѣтописецъ, сравнивая этотъ послѣдній соборъ съ соборомъ при Іереміи, замѣчаетъ, что соборъ бывшій въ правленіе этого лица дѣйствительно срубилъ вѣтви дерева и его стволъ, вырылъ изъ земли самые корни и все это сжегъ въ огнѣ, чтобы худое дерево не могло вырости опять ¹⁾. Малакъ много хвалить заботливость патріарха о устроении и благоукрашеніи имъ и самой патріархіи. Сейчасъ указанный писатель придаетъ высокое религіозно-правственное значеніе постройкамъ Іереміи, соединяясь съ ихъ красотой представленіе о возвеличеніи самаго имени христіанскаго среди невѣрныхъ ²⁾. Дѣйствительно, хоть описаніе патріаршаго храма, устроеннаго Іереміей и явно предвеличено лѣтописцемъ; и хоть преувеличено имъ и описаніе перестроенной патріархіи, тѣмъ не менѣе все же эти дѣянія патріарха могли имѣть большое церковно-общественное значеніе ³⁾. Едва ли нужно упоминать о тѣхъ замѣчательныхъ сношеніяхъ Іереміи съ протестантскимъ Тюбингеномъ, которыя сдѣлали его имя славнымъ на западѣ, послужили къ появленію многихъ сочиненій, имѣющихъ первостепенное значеніе въ церковно-исторической наукѣ, но объ этихъ сношеніяхъ у насъ рѣчь будетъ отдѣльно ⁴⁾.

А. Лебедевъ.

¹⁾ Hist. Patr. p. 194—196. *Γεδεών σελ.* 591.

²⁾ Hist. Patr. 202. 204.

³⁾ Ibid. 198 - 199. Лѣтописецъ тратитъ всѣ свои лучшія краски на описаніе великолѣпнаго храма и патріаршихъ зданій и потому, конечно, онъ никакъ не могъ предвидѣть того, чтобы его витѣватая рѣчь, будучи искажена латинскимъ парафрастомъ, дала поводъ одному русскому писателю перевести словами: „съ великимъ столомъ“ — такое изреченіе подлинника, которое лишь по латыни, вопреки логикѣ и оригинальному тексту, передано выраженіемъ: *magnum mensam*“. (См. Проф. Малышевскаго: „Мелетій Пигасть“, стр. 24).

⁴⁾ Говоря о церковно-общественной дѣятельности патріархіи, для доказательства вліянія церкви на правительственные мусульманскія сферы можно бы было рассказать одинъ очень оригинальный фактъ, будто бы случившійся въ патріаршествованіе Максима III (Hist. Patr. p. 117—124), но этотъ фактъ обходятъ молчаніемъ болѣе благоразумные историки, какъ напр. Мелетій (III, 233—4) и Гедеонъ (485—486). Осторожность лучшихъ греческихъ историковъ побуждаетъ и насъ обойти молчаніемъ фактъ, рассказанный въ вышеуказанномъ источникѣ.